

« Неуловимой вечности сквозняк... »

Елен Евгеньевн Л пшин – родил сь в 1970 году в подмосковном Фрязино. Окончил экономический ф культет Московского лесотехнического институт . С 2003 год член Союз пис телей Москвы. Стихи публиковались в журн л х «Новый мир», «Дружб н родов», «Октябрь». «Арион» и др. Автор четырех поэтический сборников, вышедших в изд тельств х «Летний с д» и «Русский Гулливер». Член редколлегии журн л «Дружб н родов». Л уре т междун родного литер турного Волошинского конкурс , Междун родного поэтического конкурс имени Н.С. Гумилев «З - блудившийся тр мв й», диплом нт премии «Московский счет». В журн ле «Пл вучий мост» публикуется впервые.

* * *

*Анне Гейжан – девушке,
покорившей время.*

Здесь ночь под ст ть м слин ми п слён м,
после – день, з л т нный зелёным –
тугой листвы к лёной колотьё.
И сквозь неё – белёные скульптуры
дич тся пережитк ми культуры,
приморскими реликт ми её.

Где прошлого упорн я прорух ,
где воздух сух и дрожь в жнее слух :
бьют простыни (т – л стом, т – хвостом),
морское largo переходит в lento –
солёный всплеск, слоёный з п х лет
и птицы, – к к ч инки в золотом.

Потом досмотр дневных приобретений –
укусы ос, ц р пины р стений –
лежи-счит й, пок не н доест.
Здесь вгуст число сороковое,
поросшее колючею тр вою,
д моря исполинский п лимпсест.

* * *

В тую ночь не верь дневным шумом,
когда вокруг всё делается звуком
и различимы слух и вздох, и вздох.
Вот жук, полночный дом обеспокоив,
шуршит по крыше содранных обоев,
ползёт и отступает в потьмах.

И кажется, все, бывшие до нас,
хозяева сидят за чашкой чая –
как будто бы с тех пор и до сих пор
всё длится тот же семейный разговор.
Мы лишние и мы сидим, скучая,
ни слов, ни голосов не различая,
как сонные тетери в поздний час.
Лишь различим во время разговора
негромкий стук фарфясы, фарфор ...

Всё та же кухня, те же стол и стулья,
и тихий гул, идущий, как из улья,
невнятная кухонная возня...
Фонит буфет, подрывают стёкла:
словостолы – ни одно не смогло,
неуловимой вечности сквозняк...

Где пилы слышны с порванной треной –
гудение, как пень хоровое, –
и в комнатах скрипучие кровати,
и дерево – поющее Аминь! –
и лишь луны безмолвный дуляр...

И чудится, вот жук взойдёт по доскам
с тяжёлою спиной, на тёртой воском,
раскроется, как клочок футляра,
взлетит и тоже

стнет

отголоском.

Валерии Пустовой

Покуд не н ст л немот
 и корк льд не скрыл кромку рт ,
 пок ещё не вл ствует остуд
 и длятся дни, и множ тся ст д ,
 и всё ещё до Стр шного Суд
 предвечным поцелуем жив Иуд , –
 н м ведомо, что времени в обрез.
 Но всё ещё вд ли бирн мский лес
 и вечно упов ние н чудо.

Покуд п мять смертн я д н ,
 пок почивших зн ем имен –
 к к будто бы з стывших меж мир ми,
 чудно одетых в шёлк и шевиот, –
 и время в фотогр фии живёт,
 к к древоточец в деревянной р ме.
 Пок кр с вк др знит мотыльк ,
 н бр в нект р н кончик язык ,
 и бытие исполнено д р ми,
 покуд мышц Сущего крепк .

К ких тебе ещё щедрот? – изволь:
 вот белый рис и пёстр я ф соль,
 поющий дрозд и ветер вездесущий,
 в ж ру – прохл д тени и воды,
 и мужество в предчувствии беды,
 и соль земли, и горний хлеб н сущный.

Ты зришь в уст чит ющим с лист –
 в ч щобу соловьиного куст ,
 где всё в дожде – и крон , и коренья.
 И дождь идёт, пронизыв я лес,
 к к С м Творец от полноты Небес
 пронизыв ет всякое творенье...

* * *

К кого же рожн , к к я хворь н крыл ,
хоть не н что пенять – всё лучшее сбылось.
С м Бог не выд ёт, свинья воротит рыло, –
жить невоготу – бессилие и злость.

И всё в ней – м нный ком, бухг лтерские счёты:
з б бушку, з м ... И сколько не мяучь,
к к выкормыш-м лец, н бил её з щёки –
и выплюнуть нельзя, и проглотить невмочь.

Нелюбящ я дочь, сердечн я сурдинк –
вин моя не спит и очередь идёт.
И к ш подо мной с комочк ми суглинк
з ест з всех про всех, ко всем меня причтёт.

* * *

Свой м лый век живёшь-кукуешь –
постишься т м, п лишься здесь.
И вдруг т к люто з тоскуешь,
к к будто был, д вышел весь.

И всё-то клин, и всё-то боком, –
А с м, б**, пл тян я вошь,
к к будто ходишь не под Богом,
к к будто смерть свою зовёшь.

Покоя нет – гуляй, рв нин ,
пок н всех он одн –
великоросск я р внин ,
где воля гибели р вн .

* * *

В тиннитусе, шумящем, к к волн ,
где кромк – дн ли, дня – обн жен
и только шум дождя в сухом ост тке,
т м чуть притворен ли, з перт
спит розов я р ковин рт

с музыкой звук , м скою зевк ,
с недвижимым моллюском язык –
и сны его бесхитростны и сл дки.
Пок шумит небесн я вод ,
н сельник безо всякого стыд
не покид ет известковой клетки –
хозяин, нер чительный вдвойне,
он истонч ет в мыслимой вине
округлую жемчужину т блетки.
И з сып ет в этой глубине.
Но Слово жжёт, входящее извне...
Когд же н ступ ет время слух , –
исполнится, чего ни попроси, –
ты к створк м губ р скрытых поднеси
Всеслыш щую р ковину ух ...

* * *

Т м – то приливы, то отливы,
земля и сущее н ней.
А здесь – не веточк оливы, –
п учья весточк верней, –
где ост ются в одноч сье –
и скорбный труд, и жизнь вз ймы.
А мы тут – в пр здности и сч стье,
к к будто посреди чумы,

облюбов вшие вив рий,
урв вшие си мский р й –
тв рь, прилепивш яся к тв ри,
в ковчеге, к нувшем з кр й, –
р збитом, гнилью оплетённом...
И мы глядим со дн его
н звёзды в небе полудённом,
не поним я ничего.

* * *

Что ни сон, то покойник, то ищешь покинутый дом,
то н до ост тья, но в сумерк х едешь и едешь...
Бессонн я жизнь утек ет своим чередом:
к пк н н неё не пост вишь, в ст к н не н цедишь.

И узы не вечны, и нити её не прочны,
и стрелки (от слов «стреляют») её не точны.
Исчислившим беги её не з то ли р спл т ,
что детское время к з лось и было ручным,
пок умещ лось н м лой шк ле цифербл т .

Т к тик л полночь, время пришло и ушло, –
когда мы по дури ходили туда в с моволку...
А помнишь, Х в рошечк лезл в коровье ушко? –
к к нитк в иголку.

Родн я юродк , челночницей в этой/иной –
с верблюжьей пов дкою, льнущ я ниткой льняной
(лицо ли, изн нк пестрит узелк ми н п мять), –
я здесь и не здесь, р зделённ я сном и не сном,
спешу з иголкой в безвременье этом сквозном –
всё ближе бликует, всё ч ще и ч ще мельк ет...
И д же не ск жешь: «Я сдел л всё, что могл », –
нитк короче, и к жется ж лом игл ,
и будто сибирск я Лет меня оклик ет...

* * *

Когда мы были с Богом н р вне, –
с тех пор, к к мы менялись б ш н б ш с Ним,
минул жизнь, и, выросший во мне,
Бог перест л быть детским и дом шним.

Он отд лялся, т к неудержим, –
то опек л, то упрек л сурово.
Он ст л непостижимым и чужим,
к к взрослый сын, ушедший из-под кров ...

* * *

Герману Власову

Доедешь сумерк ми р нними
и окочуришься к семи
в дому, з сиженном гер нями,
с гр нёным з п хом зимы.

Кого не вывели, не вымели
(н лей, и выпей, и н лей), —
н сельники вещей не вымерли
и н блюд ют из щелей.

И ты сидишь н д че явочной,
где быт летнего черты,
среди мертвечины этой яблочной,
угольных веток черноты.

В потёмк х брезжится прог лин ,
от подоконник сквозит.
И ходит дерево пог ное,
и в окн п лкою грозит.

* * *

Вот, гляди: букв Д – это Будд ,
Т – тоскующий Сын об Отце.
Человек – углов т я букв –
ум лится до точки в конце.

То локтями – з л чный и сочный,
то б юк я руку в руке,
мы стоим – кто з гл вный, кто строчный –
всяк живой в этой тесной строке.

Мёртвый что – он меж буквиц пробелом –
в н зывном ли ему, в н живном...
Неопзн нный, белый н белом,
обн жённый, в шк фу выдвигаюм.

* * *

Вст нем всяк пред Тобой во своём невеликом чину, –
н ше щ стье обещ но и – вопреки – ощутимо.
Только, если оно не н вечно, то, Отче, – к чему?
Погляди, в межполосье ростков боев я щетин .

И цветущий минд ль, и кузнечик в подоле тр вы
улыб ются н м сквозь костры и могильные рвы –

претерпевшим потери, чуму-нищету-вшивоту, –
кто Тобой не з быт, но в пути з плут ли з былся.
И щепотк песк ли, щекотк скользнёт к животу –
это к мень з п зухой дрогнул и снов з бился.

Будто мы и не жили, н с п водок не н стиг л,
ничего повреждённого, невосполнимого, злого.
Будто птиц н ветке воспрял и Бог Н хтиг ль
повторил от н ч л времён сокровенное Слово.